

КОНТРОЛЬ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА ЗА ИНФОРМАЦИОННОЙ ОТКРЫТОСТЬЮ ВЛАСТИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Круглый стол "ГРАЖДАНИН, ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВО: КОНТЕКСТЫ РОССИЙСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ДОСТУПА К ИНФОРМАЦИИ"

Ясен Засурский,
факультет журналистики МГУ

Российская пресса как институт гражданского общества

Тема моего выступления связана с прессой как инструментом гражданского общества, имеющим возможность влиять на информационную открытость власти. Можно утверждать, что у нас информационной открытости нет, и этот факт очевидным образом проявляется, а в рамках взаимодействия власти и прессы очень даже явно.

Недавно в "Известиях" была опубликована статья, посвященная тому, как компания "Дарьял ТВ" получила лицензию на вещание чуть ли не по всей России. В этой статье доказывалось, что эта лицензия была получена незаконным путем, во всяком случае, без соответствующих конкурсов и решений. Мало того, что лицензия была выдана без ведома общественности или других заинтересованных лиц, но даже комиссия, занимающаяся этими вопросами, не была проинформирована о том, что лицензия была выдана. А я как председатель так называемой центральной комиссии по лицензированию узнал о существовании "Дарьял ТВ" и о том, что эта компания получила лицензию, из названной мной статьи.

Это хорошо демонстрирует уровень открытости нашей власти и ее институтов. На мой взгляд, есть два очень важных момента для того, чтобы развивать возможности прессы как института гражданского общества: это, во-первых, прозрачность действий власти и, во-вторых, доверие к независимым общественным институтам. Почему это так важно?

Печать, конечно, выступает как критик, как оппозиция (в смысле английской традиции – оппозиция Его или Ее Величества). Не обязательно та оппозиция, которая требует изменения государственного строя, но та оппозиция, которая действует в рамках закона и стремится к тому, чтобы общество, действующее на основе конституции, развивалось нормальным образом. Без такой оппозиции нормальное развитие гражданского общества невозможно. Российская печать выступает в роли такой оппозиции, мне кажется, достаточно успешно. В этом смысле она свою функцию института гражданского общества выполняет.

Но есть и второй момент в деятельности печати как института гражданского общества. Печать должна участвовать в дискуссиях, обсуждении проблем, выработке решений. И вот здесь роль российской печати оказывается очень заниженной, поскольку печать не получает материалы для этой дискуссии, часто дискуссию начинает сама и ведет ее в одностороннем порядке. Она задает вопросы и не всегда получает ответы. В результате пресса не может выполнять свою третью, мне кажется, очень важную роль в гражданском обществе – быть инструментом выработки консенсуса, общей позиции по поводу тех или иных проблем. Приведу пример того, как это происходит, скажем, во Франции. Во время президентских выборов боролись два кандидата в президенты – господин Жоспен и господин Ширак. Они выдвигали и обсуждали разные концепции развития французского общества. Жоспен считал, что для того, чтобы сократить

безработицу во Франции, надо уменьшить количество рабочих часов до 35 в неделю, а Ширак утверждал, что надо снизить налоги и тогда предприниматели смогут деньги, которые они получают от сокращения налогов, вложить в производство и создать новые рабочие места.

В результате этой дискуссии во Франции возник консенсус о том, что важнейшая проблема, которую надо решить, это проблема безработицы и нужно работать в этом направлении. После победы Ширака на выборах Жоспен стал премьер–министром. Это сосуществование двух сил – оппозиции и власти – оказалось для нас непонятным, а они решают сейчас проблему безработицы двумя путями: и сокращая рабочую неделю, и сокращая налоги. В наших условиях представить такого рода сотрудничество очень трудно и, мне кажется, пресса не может быть инструментом выработки консенсуса именно из–за того, что нет прозрачности в действиях нашего Правительства.

Мы говорим об экономическом кризисе в нашем обществе, а реальных данных об уровне этого кризиса, о состоянии экономики мы не получаем, и все дискуссии оказываются малопродуктивными. Степень закрытости, непрозрачности власти в нашей стране поразительна. Наиболее наглядным образцом непрозрачности нашей власти является арест руководителей Центрального статистического управления, которое, собственно, должно обеспечивать прозрачность власти, сообщая статистику о том, что имеется в нашем государстве. И оказывается, что этот главный институт прозрачности, который должен нас обеспечивать данными, был коррумпирован и стал источником доходов для руководства. Казалось бы, какие доходы можно извлечь из работы в Центральном статистическом управлении? Однако доходы извлекались. Мне кажется, что непрозрачность власти – очень серьезная проблема.

Второй очень опасный момент – отсутствие доверия к независимым институтам. У нас практически нет того, что называется "Public Institutions" – независимые общественно–правовые институты. Вот, например, Совет по телевидению. Он должен быть независим от Правительства, от Парламента, от Президента и от законодательной власти. Однако Парламент хочет создать такой совет, где были бы его представители, Президент хочет, чтобы были там его представители, но никто не хочет, чтобы там были представители общественности, независимые и от Президента, и от Парламента, и от суда.

И вот это недоверие к независимым институтам и просто неприятие самого принципа независимых общественных институтов является очень серьезной трудностью на пути утверждения в России гражданского общества и развития прессы как института гражданского общества.

В гражданском обществе пресса выполняет функции "честного переговорщика", "honest broker". У нас этого понятия нет, и пресса не рассматривается как независимый институт. Мне кажется, что здесь необходимо принятие концепции общественного арбитража, развития уважения к общественным институтам. В этом смысле создавшаяся сейчас ситуация в печати является очень сложной и противоречивой. С одной стороны, пресса играет очень важную роль в выявлении всякого рода нарушений законов, злоупотребления властью и выработки каких–то общепринятых положений, концепций о том, что происходит в мире. С другой стороны, взгляд на прессу со стороны основных сил общества совершенно другой. Владельцы рассматривают прессу как инструмент влияния, Правительство также рассматривает прессу как инструмент влияния, а концепция прессы как посредника, который должен помочь выработать независимую и разумную точку зрения, в нашем обществе, к сожалению, отсутствует.

Возможность влияния на информационную открытость власти у прессы невелика.

Пресса в наших условиях выступает прежде всего как один из инструментов влияния, как одна из групп давления. В этом смысле ее роль весьма значительна. Наглядный пример – дискуссия, которая развернулась в нашей прессе, когда главный редактор "Независимой газеты" господин Третьяков разработал и изложил на полутора полосах "Независимой газеты" план изменения системы управления государством. Президент немедленно вызвал представителей силовых министерств и сообщил им, что они должны быть готовы противостоять заговору. Он не имел в виду прямо статью Третьякова, но, во всяком случае, связь здесь была очевидная.

Пресса как инструмент давления действует очень активно, но является ли пресса в этом смысле инструментом гражданского общества – сказать трудно. Скорее, она отражает борьбу различных группировок. Появилась точка зрения на прессу, согласно которой разные группировки средств массовой информации представляют как бы разные партии, но они представляют не группы граждан, а, скорее, группы интересов влиятельных экономических структур: партия ОНЕКСИМбанка, партия Газпрома, партия Мост–банка и т.д.

Это очень далеко от понятия гражданского общества и, к сожалению, в самой прессе, среди журналистов, мы тоже не найдем людей, которые воспринимают себя как представителей общественности, стремящихся вести дебаты о развитии общества. Скорее, они выступают как прокуроры, которые заменяют недействующую юридическую власть. Известно, что в гражданском обществе действуют три власти: законодательная, исполнительная, юридическая. Журналисты представляют себя как четвертую власть, и вместо того, чтобы помочь выработать консенсус и гражданскую позицию в обществе, повлиять на информационную открытость власти, выступают в роли прокурора, который хочет вынести приговор тогда, когда этого приговора не выносит судебная власть.

Если вы посмотрите на критические выступления нашей прессы, то увидите, что она принимает решения или подсказывает их, выступая и как следователь, и как судья, и как прокурор одновременно. Эти действия прессы трудно осудить, поскольку они связаны с тем, что три основные ветви гражданского общества на самом деле часто бездействуют. В этих условиях очень важно не столько развить законодательную базу, сколько менять представление о том, каким должно быть наше общество. Какие бы законы мы ни принимали, они не будут выполняться, пока мы не сумеем воспитать в себе уважение к законам и уважение к правам граждан и прежде всего к правам отдельной личности. Отсутствие понимания прав личности является важным препятствием для нашей прессы, мешает ей выступать как институту гражданского общества. СМИ готовы защищать интересы государства, владельца, кого угодно, но только не интересы гражданина. Это очень опасный момент и, видимо, потребуется время для того, чтобы выработать гражданские традиции, которые связаны не с тем, чтобы защищать интересы всех граждан, а с тем, чтобы отстаивать интересы каждого гражданина. Этот разумный индивидуализм у нас отсутствует, его нет в нашей традиции, и это, может быть, одна из самых тяжелых проблем в развитии нашего государства. Присущий нашему обществу коллективизм часто исключает уважение к отдельному гражданину.

Мне кажется, российская пресса в большом долгу перед обществом, поскольку не проявляет себя как серьезный институт дискуссий. Конечно, наша пресса стала более богата информацией, стала правдивее, но с точки зрения разработки концепции развития общества, выработки консенсуса в отношении того, куда должна идти Россия, наша пресса оставляет желать лучшего. И мне кажется, что наши СМИ не осознают себя институтом гражданского общества. Они осознают себя институтом утверждения власти журналистов: вот я, журналист, разговариваю с премьер–министром, и вы посмотрите, кто из нас умнее! И, конечно, из выступления журналиста и из ответов

премьера создастся впечатление, что не премьер–министр тут управляет.

Мне кажется, развивая гражданские начала в нашем обществе, мы должны и у журналистов воспитывать чувство гражданской ответственности. Однако если вы посмотрите на то, какие типы журналистов сейчас процветают, то окажется, что это журналисты, которые могут разоблачить, найти интересные материалы, имеют хорошие отношения с прокуратурой, с ФСБ и там получают компромат. Общественность, конечно, должна знать факты, которые позволяют говорить о коррупции, но этого недостаточно. Нет журналистов думающих, способных предложить какие–то новые пути развития нашего российского общества, нашей российской молодой, незрелой, хрупкой демократии. Нет нового Анатолия Аграновского. Ведь очевидно, что концепция нашей перестройки во многом была разработана в его статьях, его выступлениях. А сегодня таких журналистов или публицистов мы не найдем. Нет таких людей и в нашей Думе.

Если мы не сумеем перейти к другим подходам в отношениях между гражданами, средствами массовой информации и властью, мы рискуем пойти по уже хорошо известному и испытанному в России пути: нужен хороший царь, хорошая сильная рука, царь будет думать за нас и все нам скажет, как надо делать, а мы будем его слушать.

"Некого слушаться", – этот голос, который звучит в нашей прессе, очень опасен, и пока мы не сумеем выработать у наших граждан чувство того, что надо слушать голос своей совести, мы никуда не сдвинемся. Меня возмущают раздающиеся в нашей прессе стоны по поводу того, что нет хозяина. Да, на предприятии, на заводе, наверное, нужен хозяин, но в стране, извините, хозяином должен быть гражданин. Этого ощущения, даже этого понятия в выступлениях российской прессы не найдете.

Воспитание гражданственности в прессе – это очень серьезный и важный момент, и мне кажется, что здесь играют свою роль такие малопризнанные государством, но очень важные институты, как Фонд защиты гласности, Комиссия по свободе доступа к информации и некоторые другие. И такие институты гражданского общества должны укреплять свои позиции.

Недавно исполнилось сто лет процессу Дрейфуса. Когда этот процесс прошел, во Франции была создана ассоциация по борьбе с расизмом, по борьбе за права человека, и эта ассоциация действует до сегодняшнего дня. Эта ассоциация сыграла важнейшую роль в выработке чувства гражданственности и становлении гражданского общества во Франции. У нас подобных организаций немало: Хельсинкская комиссия и прочие, но вот такой организации, которая пользовалась бы всеобщим уважением и занималась бы не узкопартийными делами, а защитой действительно прав человека и гражданина, нет. А сегодня, в условиях, когда отчетливо видна угроза фашизма, потребность в этом существует. Мне кажется, что наши средства массовой информации могли бы взять на себя роль такого общественного института.